

ТОЛСТЫЙ:

Учит. газета - 1992. - 14 июля (№ 25) - С. 24.

«Мы интересны только в контексте культуры, которая нас воспитала»

— Как сложилась на Западе ваша судьба?

— Трудно сложилась. Я тяжело выживал. Иногда очень тяжело. Еще в Вене я обнаружил, что эмигранты вывезли с собой из Союза все свое функционирование и подавление инакомыслия. Борьба за кусок хлеба и место у каравая там столь же несправедлива, как была здесь. Замалчивание, «исключение» из общества, интриги и сплетни, нежелание дать высказаться людям с иной точкой зрения, чем у них. Все это приводит к ненависти, психологической войне и т. д.

— Именно в эмигрантской среде?

— Конечно. Французская среда воспитана на традиции демократии. Такого безобразия в ней нет. Это и помогло мне выжить. А в Вене я занимался реставрацией. Работал помощником каменщика на стройке. Подával кирпичи. Долго не мог попасть в Париж — свои же и мешали. Наконец въехал туда и даже, как мне казалось, с небольшим запасом денег. Но как только я снял свою первую комнатушку, деньги и кончились. Заголодал. Работы в Париже сразу не нашлось. Мыл посуду, потом работал поваром в русском ресторане на Пляс Пигаль. Зарабатывал очень мало. Это известная история: свои зарабатывают на своих. Пел с шапкой на улице. Потом немножко пел в ресторане — это рангом выше.

— А как художник?

— Живя здесь, я принадлежал к художественному направлению, которое неправильно, на мой взгляд, называлось нонконформизмом. Участвовал в квартирных выставках. Продолжил эту деятельность там. Выставлялся. В Париже было несколько персональных выставок с каталогами. Выступал со своими театрализованными визуальными.

Я выступал в Америке, в Германии, в Израиле, в Италии, во Франции, во многих других странах. В Италии даже сидел в тюрьме. Во время моего выступления на фонтане ди Треви, когда я был голый и раскрашен супрематическим орнаментом, явился полиция и забрала меня в тюрьму. Я мгновенно стал знаменитым.

Девять дней, пока я сидел, в итальянской прессе шли бурные дебаты. Важные итальянские критики обсуждали, можно ли знаменитого артиста везти в тюрьму как террориста. Я ехал в каре из мотоциклов — голый, раскрашенный, в наручниках и ножницах, по бокам двое полицейских и еще один, с пистолетом, на переднем сиденье. Никто не понимал, что я там кричу.

А перформанс назывался: «Итальянцы, берегите Папу!» Я это кричал во время моего визита на многих языках, а ровно через тринадцать дней в Папу стреляли, представляете? Так я пережил довольно сомнительную славу.

Поскольку Ватикан следит за прессой, то я как бы был прославлен в качестве пророка. Несколько лет назад «Учительская газета» опубликовала довольно точный материал об этой истории и объявила, что Ватикан официально признал меня пророком.

Все-таки должен сообщить, что, хотя это произвело на них впечатление, удостоверения пророка мне так и не выдали...

Так или иначе я стал известен во Франции как художник. Писал еще стихи. Меня там называют основоположником пост-поэзии. Прошли мои персональные поэтические вечера в Марселе и в Тулоне. Книжечка вышла по-французски. Я ее даже и обдумывал по-французски. Называется «Стихи иностранца». Потом начал сниматься в кино.

— А как в кино-то вы попали?

— С кино произошло просто чудо. Мне нечего было есть. Я жил на Монмартре, в крошечной комнатке под крышей. Без удобств. Однажды Олег Яковлев, русский художник, тоже лет пятнадцать живущий в Париже, оставил мне на двери записку: «Толстый, если ты хочешь есть бесплатно два раза в день, то иди по такому-то адресу, там студент, который заканчивает парижский ВГИК, снимает короткометражку. Денег у него нет, платить он не может, но тех, кто принимает участие в съемках, будет два раза в день кормить!»

Для меня два раза в день бесплатно поесть было в то время что-то необыкновенное. Я пришел туда в тужурке на голое тело. Мне очень хотелось кушать два раза в день. Я начал объяснять на чистом русском языке, что я — Толстый, что я все сделаю, что ему нужно, пройду, сыграю. Он с удивлением смотрел на меня, потом с помощью переводчика мы объяснились, он сказал своей команде, что меняет весь сценарий, что я — его главный герой, и то, что я говорю по-русски, его не смущает.

Таким образом я сыграл свою первую роль, которая стала довольно знаменитой. Этот фильм в 22 минуты прошел по всем каналам французского телевидения и в 1984 году получил приз Альби. Это вроде Каннского фестиваля, но для короткометражек. Эрик Барбье, режиссер, получил приз как режиссер, а я за исполнение мужской роли.

С тех пор я сыграл 18 ролей во французских фильмах. Последний фильм, вышедший на экраны в прошлом году, вообще суперфильм. Там я сыграл свою первую главную роль. Польского шахтера, который, чтобы прокормить в условиях рынка семью — четверых детей, жену, бабу, выходит еще и боксировать на ринг.

— Вы и бокс?..

— Да, довольно смешная история, но не все время. Были тяжелые съемки. Во время поединка перед камерой мне выбили зуб. Он вылетел с брызгами крови — на радость режиссеру. Потом я сломал ногу. После одного сильного удара потерял сознание.

У меня по фильму было трое соперников. Все они — профессионалы. Я же не только боксом, но и спортом-то никогда не занимался. До этого все мои персонажи в кино были просто толстые. Я сам всегда был толстым. Толстый — мой артистический псевдоним, который я просто перевел в латинские литеры. По-французски это ничего не значит, абракадабра. Но всем очень нравится.

ТОЛСТЫЙ (артистический псевдоним Владимира Котлярова) — поэт, художник, основатель вивризма, издатель и редактор-провокатор «Мулеты» и «Вечернего звона», ныне актер французского кино. Эмигрировал в марте 1979 года. Живет в Париже.

что есть какой-то русский артист «Толсти».

Для съемок в фильме я потерял 33 килограмма. Начал боксировать, много тренировался, выучил польский язык. Жизнь во время подготовки к фильму была очень тяжелой. Я уже подписал контракт, деньги у меня были. Вставал в 8 утра, бегал 5—7 километров. Потом приходил домой, съедал какую-то пустяковину, занимался два часа французским языком. Пять раз в неделю ходил по вечерам в спортивный зал, за который платила фирма. Девять или двенадцать раундов по три минуты работал на ринге или с мешком. В итоге я преуспел, и говорят, что эпизоды с боксом, которые видны в фильме, не совсем отвратительны.

— Сколько же вам заплатили за все эти мучения?

— Во Франции как бы не принято говорить о двух вещах. За кого ты голосуешь и сколько зарабатываешь... Мне заплатили в восемь раз меньше, чем Жану-Марку Барру, красавцу, знаменитому французскому актеру, который играл роль моего сына. Но для эмигранта мне заплатили очень много. После фильма я купил в Нормандии трехэтажный рыбацкий домик в 120 метрах от пляжа, раздал долги, решил какие-то свои проблемы. Сейчас у меня нет такой суровой ситуации, чтобы я искал, как прокормить семью. Но в связи с тем, что я — «грязный иностранец», мне за такую роль заплатили очень мало. А лично для меня — очень много. Зде́шняя жизнь выдвигает условия, которые приходится принимать.

— Вы не жалеете, что уехали?

— Нет. Я не жалею по очень реальной причине. Я полностью реализовал все то, что собирался реализовать. Утвердил себя в издательском деле и в журналистике. В поэзии и в живописи. Совершенно не предвидя, что такое

возможно, стал киноактером, который как бы даже известен. В этом смысле мне жалеть не о чем.

Но есть одна деталь, очень важная для артиста. Она связана не только с языковой культурой, но и с той ситуацией, которую я опишу французской поговоркой. Французы говорят: «Человека, который убил свою мать, еще можно перевоспитать. Но не-француз всегда останется не-французом!»

И это имеет отражение во всех сферах жизни. Настоящей французенкой не станет даже моя дочь, которая уехала отсюда в восемь лет и которая сейчас, конечно, блестяще говорит по-французски и плохо по-русски. Но она не во Франции родилась... Нет, это не то чтобы второй сорт. Но глубокого интереса с их стороны нет, никогда не будет и не может быть. Мы интересны только внутри той культуры, которая нас воспитала. Мы знаем ее коды, неписанные законы, можем по ним жить. В русской культуре я как рыба в воде, несмотря на весь отрыв. А там я до сих пор ошибаюсь. Что-то нельзя сказать, какое-то нельзя повернуться, в какое-то кресло нельзя сесть.

— Например?

— С креслом вышла реальная история. Я был приглашен в мэрию Парижа на вернисаж с коктейлем. Общество там слоеное. Кого-то приглашают на вернисаж, маленькую часть из них зовут на коктейль пить шампанское, а из тех, кто выпил коктейль, человек 10—15 идут ужинать в ресторан.

В то время я как раз находился на среднем уровне. Ужинать еще не приглашают, а на коктейль все-таки попал. Все разговаривают на местном языке аборигенов. Мне не хочется напрягаться. Я махнул три или четыре фужера шампанского. Роскошный зал парижской мэрии. Мы с женой единственные русские. Приглашение официальное от имени мэра Жака Ширака и его жены Бернадетт, с которыми у меня, в общем-то, хорошие отношения. Они приходили на вернисаж моей персональной выставки.

Я выдудил последний бокал шампанского. Я закурил сигарету. Я сел в какое-то очень удобное кресло эпохи Людовика XIV. Сажу, покуриваю. И вдруг вижу группу, состоящую из моей жены, Бернадетт Ширак и Мари-Франс Лотарже, которая руководит Ассоциацией пластических искусств в мэрии Парижа. У них была веселая беседа, и вдруг они напряглись и смотрят в мою сторону. Мари-Франс быстрым шагом переходит через весь зал. Женщина подходит — естественно, этот код я уже знаю — я встаю, сколько бы раз за вечер это ни происходило...

Она мне говорит: «Толстый, куда вы сели?» Я говорю: «В кресло, Мари-Франс». Она говорит: «В этом кресле сидит только Жак Ширак, когда отвечает на вопросы корреспондентов». Я успешно схватываю фужер, ретируюсь, понимая, что сделал непростительный ляп. Инцидент исчерпан. Но на следующую мою презентацию Бернадетт Ширак не пришла. А поскольку известно,

что мы с мэром знакомы и как бы изредка общаемся, то все представители парижского истеблишмента или, по-московски, тусовки задумались: ага, Толстый выступает, а Бернадетт не пришла, значит, что-то произошло. А значит, кто-то не напишет статью, кто-то не опубликует. Это как бы тайные неофициальные коды, как себя вести. Что можно делать и чего нельзя.

— Ну а роли анфан террибля, небритого русского варвара, там нету?

— Такая роль, конечно, есть. Недавно умерший великий актер Серж Гинзбург как раз и был таким анфан терриблем. Ему все прощалось. Но в какие-то дома его не звали. Это не помещало ему стать великим актером, которого оплакивала вся Франция. Он всегда ходил в джинсах, курил по десять пачек сигарет в день, приходил пьяный на съемки. Но его обижали. Даже те, кто приглашал его на телевидение, говорили ему: «Ну послушайте, почему вы не уважаете общество? От вас воняет водкой!» Он что-то там бормотал, но Серж Гинзбург мультимиллионер, он может как-то презреть это, он через все уже прошел — на вершину. Но мы-то не только не миллионеры, от нас просто никто ничего терпеть не будет!

— Можно ли отойти от русской эмиграции?

— Когда я понял, что «русская интеллектуальная элита Парижа» мне и носа не даст высунуть, я начал заниматься французским языком. А, скажем, проживший чуть ли не двадцать лет в Париже Владимир Емельянович Максимов обед себе заказать по-французски не может. И попросить покушать не может. Однажды в каком-то интервью он с гордостью заявил: «Ни на одном чужом языке я не говорю и не хочу говорить!» А было это на французском спектакле, с ним рядом сидела переводчица и рассказывала, что происходит на сцене. Как же он воспринимал спектакль?

— Вы не думаете о возвращении в Россию?

— Я хочу вернуться своими работами, фильмами, журналами. Вопрос обратной эмиграции стоять не может. Я — гражданин Франции, мне 55 лет, я должен уже думать не только о себе. Моя дочь — французенка, она просто не поймет вашей ситуации. Вступают в силу какие-то прагматические вещи. Бытовые. В Париже у меня хорошая квартира на Сене, дом в Нормандии. Хотя, может быть, для творческой ситуации в России и легче. А там я все время стою на падающих. Если хоть на месяц я выпаду из этой гонки за деньгами для квартиры, электричества, телефона, я тут же провалюсь. Только налогу за год надо выплатить столько, что я не знаю, где найти эти деньги! А в России, создается впечатление, десятки, сотни людей месяцами и годами могли и, наверное, могут еще создавать свои интеллектуальные шедевры и ничего, живут...

Игорь ШЕВЕЛЕВ

Главный редактор П. ПОЛОЖЕВЦ.
Редакционная коллегия:

И. Димова (зам. главного редактора),
В. Молодцова (зам. главного редактора),
В. Некрасов (зам. главного редактора —
коммерческий директор),
А. Фурсов, И. Шве́ц (отв. секретарь).

Ведущий редактор И. Димова

Учредитель:
журналистский коллектив редакции.

Издатель:
издательство «Пресса».

© «Учительская газета». Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией, ссылка на «УТ» обязательна.
Точка зрения авторов может не совпадать с позицией редакции.
Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции:

103012, Москва, ГСП-2,
проезд Сапунова, 13/15.

Телефоны:

для справок 928-82-53
для рекламы 298-89-95
для информации 924-29-27
отдел писем 298-81-30
Факс 200-32-15

Время подписания в печать:

по графику в 14.00

номер подписан в 14.00

13 июля 1992 года.

Газета зарегистрирована

Министерством печати и массовой

информации РСФСР (№ 1061)

Типография издательства «Пресса»,

125865, ГСП, Москва, А-137,

ул. Правды, 24

Индекс 50234

Тираж 345000 экз. Тип. 11695.

